

Диффузность семантики и структуры в сложном предложении при устной форме его реализации

© кандидат филологических наук С.А. Шульскис, 2005

Организация и функционирование сложного предложения являются предметом постоянного внимания синтаксистов. Количественный и качественный состав языковых проблем, связанных с этой единицей, меняется. Устная форма реализации расширяет диапазон проблем, вводя дополнительные факторы, влияющие на формирование сложного предложения¹.

В качестве сферы функционирования сложного предложения здесь рассматривается такая разновидность современной литературной речи, как устная публичная речь (УПР)². Социально значимая тематика обуславливает интеллектуализированный характер речи. Содержательность речи обеспечивает разнообразие семантико-синтаксических отношений сравнительно с обиходно-бытовой речью.

Обращенная к массовому адресату УПР осуществляется преимущественно в монологической форме, которая обуславливает синтаксические особенности структурирования сложного предложения. Принцип сегментации, наиболее полно реализуемый в монологе, позволяет говорящему в пределах одной конструкции соединять сегменты самого разнообразного устройства. Это создает широкое поле для синтаксических трансформаций: предложение может совпадать с кодифицированной моделью, может обладать устно-речевой спецификой при общем следовании структурно-семантической схеме кодифицированного предложения, может не иметь аналогов в кодифицированном литературном языке как при формальном соблюдении структурно-семантической схемы предложения, так и при несоответствии ей.

На организацию сложного предложения в УПР, помимо характера речи и монологической формы, оказывает влияние фактор устности, сопряженный с таким качеством, как спонтанность. Спонтанность, как

¹ Здесь принимается точка зрения ряда исследователей (Г.Г. Инфантова, А.Ю. Константинова, А.М. Поликарпов, О.Б. Сиротинина), согласно которой обозначение «предложение» следует сохранить за конструкциями устной речи. Разграничение предложения и высказывания применительно к устной речи связано с необходимостью акцентировать внимание либо на формально-структурных признаках синтаксической конструкции (используется термин «предложение»), либо на особенностях данной речевой реализации (используется термин «высказывание»).

² Понятие «устная публичная речь» рассматривается с позиций, представленных в работе «Современная русская устная научная речь». Т. I. Общие свойства и фонетические особенности. Красноярск, 1985.

имманентная обусловленность устной речи, как свойство, формирующиеся в момент сообщения, порождает самые разнообразные отступления от кодифицированных типов сложного предложения.

Факторы устности, монологичности, интеллектуализированного характера речи, влияющие на строй сложного предложения, позволяют ему предстать во всем диапазоне своих семантико-синтаксических потенций.

Одной из первых проблем, возникающих при устной форме продуцирования сложного предложения, является проблема делимитации границ предложения в устно-речевом потоке. Устный монолог чаще всего строится как свободное нанизывание самостоятельных и несамостоятельных смысловых отрезков, в различной степени связанных друг с другом. Характерными признаками устного монолога являются перестройки, добавления, повторы, исправления, осуществляемые непосредственно в акте говорения. Все это приводит к тому, что характер структурно-смыслового членения устного текста принципиально отличается от членения текста письменной речи, которое определяется закономерностями синтаксического строя языка.

В случае письменной речи границы предложения фиксируются прописной буквой и точкой. В устной же речи часто отсутствуют однозначно выраженные пограничные сигналы. Вследствие этого не всегда с абсолютной точностью можно определить, где кончается одно предложение и начинается другое. Типы связей между предикативными единицами также не поддаются непротиворечивой интерпретации из-за отсутствия однозначных соответствий между типом речевого сигнала и его синтаксическим значением.

Анализируя проблему вычленения предложения в устном монологе, прежде всего обратим внимание на сложносочиненное предложение. Как отграничить сложносочиненное предложение от последовательности простых предложений, содержащих начинательный союз? Традиционно при выделении предложения учитываются 4 признака: семантический (наличие смысловой завершенности); синтаксический (наличие структурной завершенности); интонационный (наличие интонации завершенности – ИК-1); темпоральный (наличие паузы повышенной длительности – обозначается знаком // – в конце предложения).

Наличие этих признаков указывает на самостоятельность монопредикативной единицы. Их отсутствие указывает на несамостоятельность такой единицы, что позволяет рассматривать ее в качестве составной части сложного предложения. Примеры простого предложения: *Он (Александр II – С.Ш.) уехал в Таганрог / абсолютно здоровым человеком // И уехал-то в общем ради жены / Елизаветы Алексе¹евны // И э-э смерть / ну во-первых неожиданно / во-вторых далеко от столицы /*

чрезвычайно далеко¹ // Примеры сложного предложения: *Завещание было вскры³то / все вы³яснилось / и возникла очень серьезная пробле¹ма //; ... они в принципе / по-моему / восприняли / то что произошло / ну как да³нное / и они остались сильными людьми³ / они остались сами собой / в совершенно неадекватных усло¹виях //*

Особая сложность проблемы заключается в том, что названные критерии самостоятельности предикативной единицы далеко не всегда выступают 1) в их однофункциональном значении и 2) в их совокупности.

Так, например, при обычной интонационной разметке текста знак «//» обозначает межфразовое членение и интонационный сигнал завершения. В расшифровках записей устной монологической речи за этим знаком закреплен иной смысл. Он употребляется для обозначения комплексного сигнала членения, выраженного паузой в сочетании с перепадом тона. Этот знак указывает на более длительные паузы на границе сегментов, но отнюдь не всегда является показателем границы предложения. Ср.: *Ну во-первых / это было // настолько неожиданно / для всех //; Это была / страшная тайна / которую знали только заинтересованные лица // буквально несколько человек из ближайшего царского окружения //*

В первом примере длинная пауза и перепад тона после слова *было* возникли в результате остановки говорящего, связанной с выбором более точного слова для характеристики ситуации: *это было* каким именно? как? Во втором примере длинная пауза заканчивает предикативную единицу, но говорящий по ходу речи вводит дополнительный уточняющий сегмент, структурно и семантически относящийся к предыдущему тексту. И только вместе они образуют предложение.

В устной речи возможны случаи, когда краткая пауза («/») стоит в конце предложения. Нечеткое интонирование, быстрый темп речи, действие механизмов опережающего структурирования (когда говорящий еще не закончил одну фразу, но уже начинает следующую) приводят к тому, что краткая пауза выполняет не свойственную ей функцию межфразового членения. Ср.: *Итак / человек мечтает о том / что он даст России / конституцию / и освободит крестьян / так или иначе крестьянскую реформу / полную или неполную / Полная конституция / неполная / патерналистская / Это уже другой вопрос //*

Идеальным, абсолютно распознаваемым сигналом границы высказывания в устном монологическом тексте является комплекс показателей мелодики и темпа – интонация конца в сочетании с паузой повышенной длительности. Однако, как показывают наши примеры, функциональная нагруженность названных показателей неоднозначна. Вре-

менная протяженность паузы связана с ее положением в конце или середине высказывания, но не является жестко закрепленной. Вследствие этого паузы как бы меняются ведущими функциями: длительная пауза употребляется в середине высказывания, а краткая – в его конце.

Материал устной монологической речи иллюстрирует явление смещения функции обозначения синтаксического конца высказывания, неполноту, неоднозначность закрепленности за ней каких-либо специально маркированных средств. В связи с этим особого внимания требует вопрос об интонационном оформлении высказывания.

В лингвистической литературе отмечается, что, говоря о повествовательном предложении, следует различать интонацию 1) предложений-ответов и 2) предложений декларативного характера [Фонетика спонтанной речи 1988]. Первый тип встречается в диалогах и характеризуется ровным или восходящим тоном интонационного центра (обычно ИК-6 и ИК-4). Вторым типом распротранен в монологическом тексте и характеризуется понижающимся или ровным тоном главноударного слова (ИК-1). Однако в естественном устном монологическом тексте ИК-1 не обнаруживает однозначной закрепленности за концом повествовательного предложения. В такой позиции может быть представлен и другой тип интонационной конструкции, а ИК-1 может относиться, например, к вопросительному предложению. Ср.: *[Так что декабризм кончился // Вот почему он кончился // хороший вопрос / который как мне кажется / недостаточно в нашей / и вообще в мировой исторической литературе / прояснен //] Что это бы¹ло? / Почему вдруг так мгновенно / это обруби¹лось? / Почему конец одного царствования / означал совершенную перемен¹у э-э / так сказать / и декораций / и всего¹? //*

Случаи оформления вопросов с помощью ИК-1 для устного монолога типичны (см. материал в: [Современная русская устная научная речь, Т. IV]). Это связано с тем, что в интеллектуализированном монологе вопрос часто выполняет риторическую функцию, он не требует ответа и поэтому произносится с ровным тоном главноударного слова. Возможны и обратные случаи, когда в конце повествовательного предложения используется восходящий тон. Ср.: *Дело заключается в том что / в 18-19-м годах / шла активная работа над конститу³цией / Александр мечтал / дать России конститу³цию / это была идея его еще молодых лет³ //*

Исследователи-фонетисты считают, что для устной монологической речи отсутствие финального завершения (нисходящего тона) в конце высказывания также является типичным. Это связано с тем, что говорящий все время выражает просодическую установку на продолжение и одновременно на поддержание контакта со слушателем [Фонетика спонтанной речи 1988].

В психолингвистике описанные явления (повышение тона в конце предложения, создающее впечатление незаконченности; излишне длинные паузы между словами, фразами) обозначаются через понятие «неадекватной предикации», которая проявляется в неадекватности внутренних психологических операций синтеза, образования целостности высказывания [Бгажноков 1974].

Таким образом, интонационные характеристики не могут служить надежным критерием для вычленения предложения в устно-речевом потоке. Они неизбежно допускают элемент субъективности в оценке границ предложения: разные аудиторы могут по-разному оценивать один и тот же звучащий текст. Такое положение дел привело к тому, что некоторые исследователи отказывают предложению в наличии объективных критериев существования. «... предложением является такой сегмент текста, который говорящий или слушатель (исследователь) считают (рядка наша) предложением. Отсюда следует, в частности, что идентификация предложения, выделение предложения зависит от целевой установки исследования, от его типологических координат» [Скребнев 1971: 21].

Обратимся к структурному и семантическому критериям вычленения предложения в устно-речевом потоке. Рассмотрим пример: *Ну / собственно / день еще не прошел¹ / он тока зака¹нчивался // а уже начались аресты //*

Предикативная единица от *он* до *заканчивался* характеризуется нисходящим тоном в конце и наличием паузы продолжительной длительности. Однако сегментное продолжение высказывания, начинающееся с *а*, не позволяет установить границу после *заканчивался*. Продолжение от *а* до *аресты* содержит конструктивные элементы (*уже начались*), находящиеся в антонимическом отношении к компонентам, содержащимся в первой предикативной единице (*еще не прошел*). Отношения сопоставления формируются антонимией лексико-семантических планов частей (*день еще не прошел / а уже начались аресты*). Предикативная единица от *он* до *заканчивался* является парентетической конструкцией, содержащей уточнение к первой части предложения. Структурно-семантические критерии указывают на границу предложения после слова *аресты*.

Значимость структурно-семантических критериев, а часто только семантических, особенно важна при определении границ бессоюзного сложного предложения в устной речи. Так, Е.Н. Ширяев, отмечая релевантность семантического критерия для установления границ, в частности, изъяснительных конструкций пишет: «При любой интонации первой предикативной конструкции, в том числе при ИК-1 (ср.: *Они ут-*

верждают // Это невозможно //), смысловые связи, базирующиеся на семантической валентности глагола, не исчезают и не перестают быть активными» [Ширяев 1986: 48].

Структура и содержание конструкции позволяют установить границы предложения, даже если интонационные признаки практически не выражены. «Отличительной чертой спонтанной речи <...> является необязательность просодического выражения межфразовых границ в тех случаях, когда налицо отчетливая смысловая обусловленность и грамматическая оформленность соседних высказываний» [Фонетика спонтанной речи 1988:144].

Многочисленные эксперименты Е.А. Брызгуновой по подстановке под определенный тип ИК различных типов текста позволили ей сделать вывод: «Синтаксическое строение и лексический состав подставляемых под определенный тип ИК высказываний разнообразны и варьируются у разных говорящих. Эти подстановки являются одним из доказательств того, что интонационные конструкции проявляются как средство выражения смысловых отношений лишь во взаимодействии с синтаксическим строением и лексическим составом высказывания» [Русская грамматика 1980: 101].

Таким образом, исследователи отмечают характерную для спонтанной речи 1) «асимметричность соотношения интонационного и строевого (семантико-синтаксического) плана высказывания» [Скорикова 1985: 208], 2) отсутствие специализированных интонационных средств выражения синтаксических отношений внутри сложного предложения [Скорикова 1982, 1985; Ширяев 1986]. Однако эти наблюдения не являются препятствием для того, чтобы сложное предложение рассматривалось как объективно существующая единица устного спонтанного текста.

Арбитарность границ предложения в устной монологической речи, действительно, не очевидна. Это побуждает исследователей при вычленении предложения сосредоточить внимание в большей степени на формально-структурных и семантических признаках устных конструкций. При этом специалистами признается надежность комплексных формально-семантических критериев для определения границ предложения.

Итак, при вычленении дискретных единиц в устном монологическом тексте должны учитываться четыре признака: синтаксический, семантический, темпоральный и интонационный (включающий в себя акцентное выделение слова на границе предложений, что отмечается в расшифровках прописной буквой). В УПР существуют: 1) предложения, выделяемые на основании признаков несамостоятельности на границе предикативных единиц, представленных в совокупности; 2) предложения,

выделяемые на основании структурно-семантических признаков; 3) специфические синтаксические построения, которые обязаны своим существованием сегментной организации устного монологического текста и выделяются на основании хотя бы одного показателя несамостоятельности на границе предикативных единиц, что позволяет их рассматривать в качестве составных частей сложного предложения.

В первом случае предложение строится в соответствии со структурно-семантической схемой определенного типа сложного предложения. Семантико-синтаксические отношения в таких конструкциях четко дифференцируются через наличие формально-структурных показателей. Например: *Соединенные Штаты его раньше ратифицировали / а мы очень долго не ратифицировали //* – сложносочиненное предложение с сопоставительными отношениями; *Правда надо сказать / что во Франции / президент не имеет таких больших полномочий //* – сложноподчиненное предложение с придаточным изъяснительным.

Во втором случае набор признаков проявляется менее отчетливо. Есть формально-структурные показатели, указывающие на отношения между сегментами, но идентификация отношений затруднена из-за разрыва синтаксической связи (вмешивается формальный компонент, нарушающий семантико-синтаксическую перспективу высказывания). Однако на основании присутствующих в высказывании формально выраженных элементов возможна реконструкция изначального типа семантико-синтаксических отношений. Возникает диффузность семантики и структуры. Предложение не соответствует структурно-семантической схеме кодифицированного предложения. Например: *Вот я этой проблемой занимаюсь с 87-го года // когда с профессором Осиповой / Надеждой Анатольевной / мы / исходно анестезиологи-реаниматологи / она как бы вот побудила нас открыть / первый кабинет противоболевой терапии в России //*. Предложение изначально строилось как сложноподчиненное с придаточным времени. Введение по ходу речи парентезы (*исходно анестезиологи-реаниматологи*) привело к обрыву высказывания и его продолжению по другому типу структурирования. Ср. изначально заданный вариант: *Я этой проблемой занимаюсь с 87-го года, когда мы с профессором Осиповой Надеждой Анатольевной открыли первый в России кабинет противоболевой терапии.*

Третья группа предложений представляет собой особый интерес, так как при формальном следовании структурно-семантической схеме конструкции этой группы не соответствуют кодифицированным типам сложного предложения, традиционно выделяемым в современном книжно-письменном синтаксисе. Диффузность семантико-синтаксиче-

ских отношений, представленная в них, не позволяет квалифицировать их в рамках традиционных классификаций сложного предложения.

Прежде чем обратиться к анализу этих конструкций, уточним понятие «диффузность семантико-синтаксических отношений».

В сложном предложении отношения между предикативными частями дифференцируются прежде всего посредством связочных средств (союзов, союзных слов). В том случае, если они отсутствуют, высказывание строится по типу бессоюзного сложного предложения. При отсутствии союза вопрос о дифференциации отношений между предикативными единицами решается с опорой на лексико-семантический состав предложения в целом, и, поскольку не представлены специализированные средства выражения отношений, он далеко не всегда получает однозначное решение. Это дает основание лингвистам говорить о недифференцированности семантики бессоюзного сложного предложения. Понятие недифференцированности распространяется и на сферу союзного сложного предложения.

Следует различать два явления. «Одно из них можно охарактеризовать на основе семантического признака определенность / неопределенность (диффузность) отношений между частями бессоюзных предложений» [Изаренков 1987: 92]. В этом случае отсутствуют формальные и семантические показатели в структуре предложения, которые дают возможность однозначно квалифицировать смысловые отношения между частями — *Напишу доклад, пойду в кино* (пример Д.И. Изаренкова). Неопределенность семантики может быть устранена либо включением в его состав грамматикализованных средств, либо с помощью ситуативных или контекстуальных элементов.

Термином «дифференцированные / недифференцированные отношения» называют также другое явление: смысловые отношения между частями сложного предложения могут характеризоваться одним семантическим признаком (например, причинное обоснование, цель, условие и т. д.), а могут — двумя или тремя признаками (например, уступительно-противительные или сопоставительно-противительные отношения в сложносочиненном предложении). В случае совмещения признаков речь также идет о недифференцированности отношений.

Рассмотренные явления были выделены и описаны на материале письменной речи. Причем во избежание терминологических несоответствий в современной лингвистике для второго явления чаще используется термин «синкретизм значений» [Бабайцева 2000]. При этом следует отметить, что сфера неопределенности (диффузности) в письменной речи распространяется обычно на бессоюзное предложение, а сфера синкретизма — на союзные. Это понятно, так как отсутствие формально выраженного средства связи не позволяет однозначно указать тип от-

ношений, а присутствующее средство связи нередко вступает во взаимодействие с лексико-семантическим наполнением предложения, что может привести к совмещению семантических признаков.

В устной речи отмечается смещение границ закреплённости явлений диффузности и синкретизма. Как уже отмечалось, в письменной речи диффузность – это преимущественно сфера бессоюзного предложения, а синкретизм – союзного. В устной речи оба явления оказались вовлечёнными в сферу синдетичного сложного предложения. Так, например, диффузность отношений представлена в союзном сложносочинённом предложении. Для того чтобы выяснить, почему это происходит, необходимо рассмотреть вопрос о характере диффузности в устном монологическом тексте.

К проблеме диффузности семантико-синтаксических отношений в устной речи в 60-е годы обратился Е.Н. Ширяев, анализируя устную разговорную речь (УРР). Вопрос рассматривался на материале бессоюзных конструкций данной речевой разновидности. Автор пришел к выводу, что диффузность семантико-синтаксических отношений в УРР носит особый характер сравнительно с письменной речью. Эти особенности позволили ученому обнаружить новый тип связи, характерный только для разговорной речи (не имеющий аналогов в кодифицированном литературном языке) и названный им *связь свободного соединения*.

Рассматривая характер смысловых отношений при связях свободного соединения, Е.Н. Ширяев отмечает, что в значении зависимой части есть элемент добавочности по отношению к другой части высказывания. Такое значение накладывается на другие значения совсем иного характера – определительности, причинности и т. п., которые определяются конституацией. В зависимости от нее, например, в высказывании *Я на улице холодно не пойду* // может быть и условное значение – если холодно, то не пойду, и причинное – не пойду, потому что холодно. Следовательно, нельзя ставить задачу найти для каждого такого значения какие-то формальные признаки – их просто нет, но круг этих значений может быть очерчен, так как возможности конституации далеко не безграничны и в конечном счете предопределены системой языка [Ширяев 1970].

Принципиально важными положениями этой концепции являются тезисы 1) о полной формальной невыраженности типов значений, 2) о предопределенности типов значений языковой системой. Анализируя материал разговорной речи, Е.Н. Ширяев обращается к диалогическим репликам. Они всегда содержат две части, и момент перехода от одной предикативной единицы к другой представлен достаточно четко. Применительно к монологическому тексту положение иное. Моно-

логический характер материала затрудняет вычленение сложного предложения из устно-речевого потока. При этом сложноподчиненное предложение выделяется легче, так как наличие семантических союзов, скрепляя структуру и дифференцируя отношения, позволяет без особого труда установить границы предложения. А вот распознавание границ бессоюзных и сложносочиненных предложений, как уже отмечалось, вызывает затруднения.

Принцип свободного нанизывания сегментов оказывает воздействие не только на формальную организацию предложения, но и на семантическую. При свободном нанизывании рядоположными оказываются сегменты, объединенные ассоциативными семантическими связями. Они просматриваются на фоне общего смысла, но не дифференцируются. И здесь существует принципиальное отличие от устно-разговорной диалогической диффузности. В примерах Е.Н. Ширяева предложения содержат главный и зависимый компонент, что определяется лексико-семантическим наполнением конструкции. Проблема состояла в том, чтобы дифференцировать эту зависимость, номинируя ее определенными терминами метаязыка.

В монологическом тексте в ассоциативной связи могут находиться сегменты, не содержащие указания на взаимозависимость. В этом случае диффузность отношений понимается как принципиальная невозможность подобрать хотя бы один термин метаязыка для характеристики смысловых отношений в предложении. Такого рода диффузность может быть представлена как бессоюзных, так и союзных предложений. Во втором случае в устно-речевом потоке выделяется некая многочастная конструкция. Интонирование и внутривпаузное оформление указывают на то, что это единая структура, а не последовательность простых предложений. Ее части в формально-грамматическом отношении соединены сочинительными союзами. Однако семантико-синтаксические отношения между предикативными частями таких конструкций не соответствуют традиционно выделяемым для сложносочиненного предложения типам отношений. Дифференцировать отношения через традиционные термины не удастся. Ситуации, представленные в частях конструкции имеют ассоциативную связь. Эти части, как правило, соединяются союзом *и*, имеющим наиболее абстрактную семантику. Такие конструкции названы нами предложениями с паратаксистым соположением предикативных единиц. Например: *Я часто бываю э-э в судах / общественным защитником / и ребята / у меня вызывают восхищение //; Мы просто проводили юридический анализ / и просто / события / не подпадают под понятие “терроризм” //; Это движение не разовое / и на каждый шаг вперед чуть ли не два шага э-э назад //; Российские*

республики установили государственные языки / и законы / действуют только на этой территории //.

Эти конструкции в формальном отношении представляют собой сложносочиненное предложение (ССП). С точки зрения семантических отношений частей на фоне общего контекста подобные конструкции также соответствуют статусу ССП. Обе части, как правило, объединены общей «идеей», «сюжетной линией», однако при соположении конкретных сегментов она не просматривается (носит латентный характер). Поэтому не всегда представляется возможным говорить о перечислении (или следовании) событий в рамках одной ситуации, что характерно для ССП открытой структуры. И в то же время нет структурно-семантических признаков, позволяющих говорить о каком-либо типе ССП закрытой структуры.

В формальном отношении для таких конструкций характерно, как правило, нарушение принципа единообразия структурного оформления: несоответствие видо-временных форм предикатов, использование различных структурных схем, по которым строятся предикативные части предложения. Части предложения чаще всего соединяются союзом *и*, абстрактная семантика которого позволяет объединять в пределах одной конструкции ситуации без видимой смысловой связи. Однако возможно употребление и других сочинительных союзов. Например: *Оно (высказывание – С.Ш.) прошло через многие статьи / посвященные / предыдущим событиям / в области геномики / расшифровки геномы дрозофилы / или совсем недавно расшифрована генома первого растения / арабидопсиса //*. На фоне общего контекста информационно-содержательные пласты, представленные в предикативных частях, объединены общей идеей: высказывание можно отнести к двум событиям – к расшифровке геномов дрозофилы и арабидопсиса. Однако в самом высказывании смысловое соотношение событий не ясно. Кроме того, оно затемняется и употреблением разделительного союза *или*, который в данном случае выполняет присоединительную функцию.

Еще пример: *Сам он был родом / из Екатеринбургской губернии / а обжиг это что-то / связанное с э-э каким-то производством / чугуном / или каким-то //*). Здесь речь шла о правильном произношении фамилии С.И. Ожегова с точки зрения местоположения ударения. Делая пояснения, говорящий привел ряд исторических и этимологических ссылок. На фоне общего контекста перечисленные события имеют четкую логику объединения. Однако в самом предложении сопоставление ситуаций посредством союза *а* семантически нелогично.

Конструкции с паратаксистым соположением предикативных частей являются потенциально открытыми, так как ассоциативный принцип их

формирования допускает последовательное неограниченное присоединение сегментов. При этом они могут содержать в своем составе строевые элементы, формирующие закрытые структуры (в наших примерах это союз *а*). Семантика союза не накладывает ограничений на употребление в конструкции того или иного количества предикативных частей, так как союз не выступает в своем основном значении. Таким образом, предложения с паратаксистым соположением предикативных частей имеют двойственную грамматическую природу: являются потенциально открытыми при возможном наличии в них формальных показателей закрытых структур.

Обращает на себя внимание тот факт, что при паратаксистом соположении предикативных частей употребление союза *и* является доминирующим, так как идея соединения, выражаемая им, позволяет объединять любые ассоциативно возникающие мысли говорящего. Облекая свои ассоциации в вербальную форму, говорящий вместо долгой паузы, маркирующей конец высказывания, продолжает нанизывать сегменты друг за другом, соединяя их союзом. Употребление других сочинительных союзов (с более дифференцированной семантикой) является крайне редким.

Остановимся еще на одном явлении сходного порядка.

При изучении сложного бессоюзного предложения, функционирующего в устном интеллектуализированном монологе, нами уже был отмечен подобный тип объединения предикативных частей [Шульскис 2000]. В устной речи существуют конструкции, в которых интонационно и темпорально объединяются некие части, не имеющие выраженных формальных и семантических показателей, однозначно указывающих на то, что это определенный вид сложного бессоюзного предложения. Так как семантико-синтаксические отношения в таких конструкциях не подлежат выражению и границы структуры также неопределенны мы обозначили такие конструкции термином «непредложенческие структуры». Например: *Но я о них (видах речевых ситуаций – С.Ш.) сейчас подробнее говорить не буду / не / м / для них важна очень высокая степень / такой вот / трафаретности / шаблонности* / [Шульскис 2000: 127].

Объединение предикативных частей в одно высказывание условно. Оно базируется на интонационных показателях (отсутствует усиленное произнесение начала второй части, сигнализирующее о новой синтаксической единице, которое фиксируется в расшифровке прописной буквой, и большая пауза между предикативными частями). Если интонационно (включая показатели темпа) сегменты не оформляются как самостоятельные высказывания, значит, этому что-то препятствует. Таким препятствием оказывается семантическая

одноплановость, «общая идея», которая носит латентный характер, как и в случае предложений с паратаксистым соположением предикативных частей.

Наше исследование бессоюзных непредложенческих структур в устной монологической речи объективно получило поддержку в работе А.М. Поликарпова [2001], который анализировал материал немецкой диалогической речи. Автор назвал такие структуры «сложносопряженными» [Указ.соч.: 21], не относя их ни к гипотаксисной, ни праратаксистой сфере и считая совершенно особым типом.

Возникновение таких конструкций в устной речи могло бы быть объяснено действием двух факторов – устности и монологичности (как это и было предложено в нашей работе 2000 г.). Монолог, как представлялось, создает наиболее благоприятные условия для возникновения конструкций с диффузностью семантики и структуры. Диалогическая реплика короткая, ситуативно привязанная, в силу чего в ней отношения между предикативными частями, как правило, определены четче. Однако такой интерпретации препятствует исследование А.М. Поликарпова: описанные им структуры аналогичны нашим, хотя и представлены в диалогической речи. Следовательно, фактор монологической организации речи не является определяющими. Таким образом, их возникновение обусловлено лишь фактором устности. Устная форма диктует свои закономерности организации языкового материала, которые существенно отличаются от принципов организации материала письменной речи. Одной из таких закономерностей является диффузность семантики и структуры, закладываемая в высказывание изначально.

Возвращаясь к ССП с паратаксистым соположением предикативных частей, отметим: семантически они близки к асиндетичным сложносопряженным предложениям. Однако в отличие от последних связь частей при паратаксистом соположении усиливается сочинительным союзом.

Все сказанное дает основание рассматривать предложения с паратаксистым соположением предикативных частей как особый тип сложного предложения, функционирующий в устной спонтанной речи.

Л и т е р а т у р а

1. *Бабайцева В.В.* Явления переходности в грамматике русского языка. М., 2000.
2. *Бгажноков Б.Х.* Особенности радиоречи // Психолингвистические проблемы массовой коммуникации. М., 1974.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2005. — Вып. 29. — 160 с. ISBN 5-317-01330-5

3. *Изаренков Д.И.* Бессоюзное сложное предложение в теоретическом и практическом курсах русского языка на филологических факультетах вузов союзных республик (лингвистический и методический аспекты описания): Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1987.
4. *Поликарпов А.М.* Сложное предложение в синтаксисе немецкой разговорной речи: Автореф. ... докт. филол. наук. М., 2001.
5. *Русская грамматика.* Т. I. М., 1980.
6. *Скорикова Т.П.* Интонационное членение устно-монологического потока // Современная русская устная научная речь / Под ред. О.А. Лаптевой. Т. I. Красноярск, 1985.
7. *Скорикова Т.П.* К вопросу о ритмическом построении устного спонтанного текста // Русский язык за рубежом, 1982, № 1.
8. *Скребнев Ю.М.* Общелингвистические проблемы описания синтаксиса разговорной речи: Автореф. ... докт. филол. наук. М., 1971.
9. Современная русская устная научная речь / Под ред. О.А. Лаптевой. Тексты. Т. IV. М., 1999.
10. Фонетика спонтанной речи / Под ред. Н.Д. Светозаровой. Л., 1988.
11. *Ширяев Е.Н.* Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М., 1986.
12. *Ширяев Е.Н.* Связи свободного соединения между предикативными конструкциями в разговорной речи // Русская разговорная речь. Саратов, 1970.
13. *Шульскис С.А.* Явление бессоюзия в устной научной речи: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2000.